

Литературоведение

Ирина Захариева

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ РАКУРС ОСМЫСЛЕНИЯ ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА (Вл. Соловьев, Дм. Мережковский, Д. Андреев)

За год до смерти Владимир Соловьев, признаваемый зачинателем русской религиозно-нравственной философии, написал статью «Идея сверхчеловека» (1899), где обозначил модные идейные течения современности: экономический материализм К. Маркса, отвлеченный морализм Л. Толстого и ницшеанство с его идеей «сверхчеловека». Наиболее плодотворным, с метаисторической точки зрения, Соловьев признавал «сверхчеловеческий путь», потому что «на конце его – полная и решительная победа над смертью» [Соловьев 1990: 405]. Но в «сверхчеловечестве» он отделял богочеловека (христианина) от человекобога (антихристианина). В последовавшей затем статье «Лермонтов» (1899) философ продолжал развивать мысли о системе идей Фридриха Ницше, автора труда «Антихристианин» (1888). Лермонтова он объявлял предшественником богоотступнических идей Ницше.

Касаясь вопроса о родословной Лермонтова, Соловьев излагал легенду о его шотландском предке, жившем в XIII веке. Это был рыцарь и поэт Томас Вермонт, прозванный в народе Фома Рифмач. Стихотворец Лермонт слыл «ведуном», прорицателем. В конце жизни он «пропал без вести, уйдя вслед за двумя белыми оленями, присланными за ним, как говорили, из царства фей» [Соловьев 1990: 278]. На Руси род Вермонта объявился в XVII веке. Соловьев видел Лермонтова тесно связанным «в восьмом колене» с Фомой Рифмачом.

Отличительной особенностью великого русского поэта философ считал эгоцентрическую замкнутость мысли на самом себе, «страшную силу личного чувства». О чем бы ни говорил Лермонтов, его внимание переносилось на собственное отношение к объективной реальности. Связь Лермонтова с Фомой Рифмачом усматривалась философом в «способности переступить в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и охватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений». С этим качеством Лермонтова Соловьев связывал его «способность пророческую»: он разрывал «сеть внешней причинности» и проникал «в другую, более глубокую связь существующего» [Соловьев 1990: 279-281].

В качестве аргумента способности Лермонтова к пророчеству Владимир Соловьев приводил его стихотворение «Сон» (1841), созданное за несколько месяцев до роковой дуэли с Мартыновым. Из одного сна извлекались еще два сновидения, и получался тройной сон. В стихотворении «Сон» лирическое «я» видит себя во сне смертельно раненым; смертельно раненое «я» пространства сна видит во сне «вечерний пир в родимой стороне» и близкую ему молодую женщину, которая в состоянии сомнамбулического сна (сна души) видит его труп, лежащий в долине Дагестана. Этот пророческий сон в кубе, по мнению Соловьева, ни с чем не сравним «во всемирной поэзии», тем более что Лермонтов предрек свою скорую гибель и безошибочно описал место гибели.

О склонности М.Ю. Лермонтова к прорицанию говорил еще один русский философ – Николай Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937). Он поведал о потрясающем впечатлении, которое испытал при чтении стихотворения Лермонтова «Предсказание» (1830). Поэт в картинных деталях обрисовал «ужасы революции» за столетие до ее свершения («Настанет год – России черный год – / Когда царей корона упадет...») [Бердяев 1990: 66-67].

Владимир Соловьев в своей предсмертной статье давал Лермонтову общую негативную оценку. В его толковании поэт попал под воздействие демонической инвольтации и избрал в творчестве «ложный и пагубный путь». Отпадение от христианских канонов сделало его предшественником «сверхчеловеческих идей» нищезанятия, индифферентным к морали. Соловьев совершал суд над Лермонтовым как христианин над богоотступником и призывал современников «обличать ложь воспетого им демонизма», присущего лишь превратно понимаемому богочеловечеству.

В опровержение уничижительной оценки Лермонтова Соловьевым, с точки зрения христианской морали, писатель и религиозный мыслитель Дмитрий Мережковский опубликовал в петербургском журнале «Русская мысль» (1909, № 3) статью «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества». Автор начинал с фиксации общего ощущения близости Лермонтова эпохе Серебряного века. Ему, превосходному знатоку русской словесности, Лермонтов представлялся последовательным носителем бунтарского духа, «единственным человеком в русской литературе, до конца не смирившимся» [Мережковский 1989: 94]. Лермонтовский бунт определялся им как «метафизическая» мятежность, что предполагало наличие в нравственных ориентирах поэта некоей «религиозной святости». Им владели мысли о вечности, потому он и говорил не «моя жизнь», а «моя вечность» («...узами земными я не связан / И вечностью и знанием наказан»). И смертью он пренебрегал по причине метафизической природы своей натуры («Кто близ небес, тот не сражен земным»).

Мережковский отмечал, что поэт был способен *вспоминать* будущее подобно тому, как другие вспоминают прошлое. И роковое в судьбе Лермонтова не в «торжестве зла над добром, как думает Вл. Соловьев, а бесконечное раздвоение, колебание воли, смешение добра и зла, света и тьмы» [Мережковский 1989: 100-105]. Автор статьи иллюстрировал положение о противоречивости натуры Лермонтова самопризнанием его автобиографического персонажа: «...верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...» (цитата из романа «Герой нашего времени» [Лермонтов 1958: т. 4, 128-129]).

Принципиально важным для Мережковского оказывался факт, что именно Лермонтов первым в русской литературе «поднял религиозный вопрос о зле» [Мережковский 1989: 106]. В его богоборчестве критик аналитического склада усматривал движение не к богоотступничеству, а к богосыновству. В Лермонтове видят антихристианина из-за создания образа Демона, но его Демон готов «с небом примириться» («Хочу любить, хочу молиться, / Хочу я веровать добру» – цитата из 10-й главы поэмы «Демон» [Лермонтов 1958: т. 2, 103]). Смысл сквозного концептуального образа поэмы «Демон» трактуется Мережковским в метафизическом плане: это «душа ... человеческая до рождения», душа «самого Лермонтова в той прошлой вечности, которую он так ясно чувствовал» [Мережковский 1989: 109]. Поэт находился в преодолении демонического сознания.

Противоречивое отношение Лермонтова к красоте, к счастью, к любви в то же самое время отмечал и Иннокентий Анненский, поэт и критик, во «Второй книге отражений» (1909). В очерке «Символы красоты у русских писателей» Анненский рассуждал о том, что у Лермонтова красоте всегда сопутствует угроза и вызов, и

приводил в подтверждение своей мысли любовный мотив «Тамани»: «...мне не надо того счастья, которое обещает мне твоя красота» [Анненский 1987: 339].

Показательно для общего восприятия почти не исследованного в 1890-х годах Лермонтова название статьи В.О. Ключевского, написанной по случаю пятидесятилетней годовщины гибели поэта. Статья 1891-го года называлась «Грусть (Памяти Лермонтова)». Лермонтовская лирика воспринималась историком и литератором Ключевским как «художественный отголосок ... русско-христианской грусти» [Ключевский 1991: 145]. Настроенность его поэзии связывалась с национальной религиозно-эмоциональной стихией.

Движение Лермонтова-художника к свету и гармонии, отстаиваемое Мережковским как истолкователем поэта, подтверждалось обширной поэтологической работой литературоведа первой половины XX века Ивана Розанова, озаглавленной: «Лермонтов – мастер стиха». Розанов анализировал стремление поэта к совершенству, к строгому отбору собственных шедевров. Демонстрировалась мелодичность его стиха, «повышенная восприимчивость к звукам». Воздействие на поэта музыкального настроения бытия явно в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...»: «Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел» [Розанов 1990: 215-216]. Глубинный слух поэта улавливал гармонию космических сфер.

Но вернемся к статье Мережковского. Автор обращал внимание на целый тематический пласт лирики Лермонтова, связанный с тягостно переживаемым отчуждением человека от «божеского единства природы» («Тем я несчастлив, / Добрые люди, что звезды и небо – / Звезды и небо! – а я человек!..» – цитата из стихотворения «Небо и звезды» [Лермонтов 1958: т. 1, 69]). Природу поэт чувствовал трепетно, «как тело возлюбленной». В лермонтовской лирике утес-великан плачет о покинувшей его «золотой тучке», одинокая сосна грезит о близости с прекрасной пальмой [Лермонтов 1958: т. 1, 69]. Герой поэмы «Мцыри» в предсмертном бреду сливается с природой. Его убаюкивает песней рыбка-русалочка («Люблю как вольную струю, / Люблю как жизнь мою...») – цитата из 23-ей главы поэмы «Мцыри» [Лермонтов 1958: т. 2, 69]).

В сознании автора «Мцыри», по Мережковскому, существует ощущение слитности Вечного Материнства и Вечной Женственности. Вечная Женственность для Лермонтова включает и Вареньку «с родимым пятнышком» [Мережковский 1989: 110], и покойную мать с ее незабвенной колыбельной песней, и мать-землю, на которой зарыдал «беглец из христианства» Мцыри.

Лермонтов принял «образок святой» от Матери и, Непокорный Сыну (Христу), покорился Богоматери, как Вечной Женственности. Так излагает духовно-религиозный путь М.Ю. Лермонтова Дмитрий Мережковский, труд которого был высоко оценен писателем-духовидцем середины XX века Даниилом Андреевым. В трактате «Роза Мира» (1958), – в книге десятой, озаглавленной «К метаистории русской культуры», – Андреев в своем истолковании Лермонтова двигался следом за Мережковским.

У Андреева Лермонтов представлен как один из немногих поэтов-вестников. Через творца, обладающего «даром вестничества», «говорит некая высшая, чем они сами, и вне их пребывающая инстанция» [Андреев 1995: т. 2, 370-373]. Воздействие духовной инвольтации выражается в «творческом процессе» создателя художественных образов и картин. В возложенной на него миссии «заинтересована вся метакультура». Миссия, возложенная на вестника, – «показывать сквозь магический кристалл искусства высшую реальность» (Андреев настаивал на том, что творец-вестник не фантазирует, а прозревает метафизическую реальность). Он идет к «синтезу художественного и религиозного служения».

Андреев обозревал – с привлечением множества фактов, – как в России с начала XIX века развивалось новое по типу (по сравнению с архаическим традиционным

православием) «мышление и сознание», носителями которого выступали деятели литературы и искусства. Новое гуманитарное мышление в российской словесности выражало «потребность всечеловеческого единства, отвращение к насилию и ужас перед тиранией» [Андреев 1995: т. 2, 382]. В культуре подспудно преодолевалось противоречие между двумя направлениями: «отвергающей мир тенденцией аскетической духовности» и утверждающей мир тенденцией плотской, так называемой «языческой». Познавалась двойственная сущность самой природы: она – источник добра и света и – одновременно – «арена буйствования демонических сил». Общее движение к грядущему торжеству Розы Мира связано, по уверению Андреева, с устремленностью религиозно настроенного человечества к Вечно-Женственному началу. Очерченная автором «Розы Мира» направленность метаисторического развития культурного космоса стимулируется писателями-вестниками.

Даниил Андреев пытался осмыслить Лермонтова «под углом зрения метаистории», объявляя его творческий дар величайшей загадкой российской культуры. Андреев признавал религиозность натуры поэта и – в согласии с другими истолкователями – отмечал в нем совмещение противоположностей: раскаленное воображение и охлажденный скептический ум, «русскую стихийность» и наднациональный «психический строй».

В русской метакультуре Лермонтову, как и Достоевскому, была предоставлена возможность созерцания «обеих бездн» – «бездны горнего мира и бездны слоев демонических» [Андреев 1995: т. 2, 389]. В целостном творчестве Лермонтова Андреев распознавал две тенденции. Первая: линия богоборческая. В отличие от литературного естества демонизма Байрона, лермонтовский Демон, как герой одноименной поэмы, связан со стремлением его создателя выразить собственный душевный опыт, идущий из слоев «глубинной памяти», ибо Лермонтов – «мистик по существу». Это означает, что «внутренние его органы – духовное зрение, слух и глубинная память, а также дар созерцания космических панорам и дар постижения человеческих душ – приоткрыты с самого рождения и через них в сферу сознания просачивается вторая реальность: реальность, а не фантастика» [Андреев 1995: т. 2, 390]. Подчеркнем, что о принадлежности к вестничеству Лермонтова и Достоевского писал **тот, кто сам характеризовал себя как вестника.**

Даниил Андреев распознавал в Лермонтове – поэте с религиозным сознанием – мощный интеллект («один из величайших у нас в XIX веке – ум»). Потому богоборческая тенденция у поэта пронизывалась духовностью, связанной с социумом и культурой его времени. С годами бунтарская тенденция в поэзии и прозе Лермонтова приобретала «вид холодного и горького скепсиса, вид скорбных разъедающе-пессимистических раздумий чтеца человеческих душ» [Андреев 1995: т. 2, 391].

Но существовала и «вторая струя» его поэтического духа, отразившаяся наиболее полно в лирике, – «светлая, задушевная, теплая вера». Песнь ангела, несшего его душу на землю, была несравнима по своей призывной магической прелести со «скучными песнями земли». Отголоски ангельского пения проскальзывают в «музыкальных строфах» таких стихотворений, как «Ветка Палестины», «Три Пальмы», «Русалка», «Спор» и др.

Прерванная фатальным роком миссия Лермонтова на земле заключалась, по прогнозу Андреева, – в поляризации двух тенденций в искусстве – провиденциальной и демонической, – в утверждении победы светлого начала и в «достижении наивысшей мудрости и просветленности творческого духа» [Андреев 1995: т. 2, 391].

Мыслитель-духовидец излагал возможную эволюцию Лермонтова в случае, если бы ему выпал шанс протяженности жизненного пути: поэту было дано свыше прийти

«к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно», где падения прошлого преодолены и достигнуто «просветленное величие» [Андреев 1995: т. 2, 392].

По предположению Андреева, своими творениями в 70-80-х годах XIX века Лермонтов возвестил бы приближение эры всемирного братства – Розы Мира (интеррелигии человечества). Аналитик делился с воображаемым читателем личным осязательным ощущением духовного присутствия Лермонтова в современности: поэт и сейчас «невидимо проходит между нас и сквозь нас, творит над нами и в нас» [Андреев 1995: т. 2, 393].

Мысли Даниила Андреева о жизнестойкости творческого духа Лермонтова перекликаются с постановкой литературоведа первой половины XX века Бориса Эйхенбаума. Монографически занимавшийся Лермонтовым ученый констатировал, что в период Серебряного века на смену, условно говоря, *пушкинской* цивилизации пришла *лермонтовская* цивилизация, т.е. *объективное* начало в поэзии уступило место *субъективному* началу. Борис Пастернак – последователь лермонтовской линии в русской лирике – посвятил создателю «Демона» стихотворный сборник «Сестра моя – жизнь» (1922) как живой личности, дух которой продолжает пульсировать в искусстве слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев 1995 – *Андреев Даниил*. Собрание сочинений в трех томах. М., 1995.
Анненский 1987 – *Анненский Иннокентий*. Избранное. М., 1987.
Бердяев 1990 – *Бердяев Николай*. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Ключевский 1991 – *Ключевский В.О.* Литературные портреты. М., 1991.
Лермонтов 1958 – *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений в четырех томах. М., 1958.
Мережковский 1989 – *Мережковский Д.* М.Ю. Лермонтов Поэт сверхчеловечества // Вопросы литературы, 1989, № 10.
Розанов 1990 – *Розанов И.* Литературные репутации. Работы разных лет. М., 1990.
Соловьев 1990 – *Соловьев В.С.* Литературная критика. М., 1990.